

Как определить фашиста?

Необходимо четко различать крайне правых и фашистов – как раз потому, что опасность, исходящая от правых, очень велика

Прошло почти ровно сто лет после «Марша на Рим» фашистского лидера Бенито Муссолини и его назначения премьер-министром Италии, и теперь итальянским премьер-министром стала Джорджа Мелони – политик, чья партия ведет происхождение от этих изначальных фашистов. Неужели мы стали свидетелями возвращения фашизма (в более скромной версии) – политического явления, которое после 1922 года вышло далеко за пределы Италии?

Нет ничего плохого в том, чтобы задавать вопросы, но, если слишком вольно разбрасываться «ф-словом», тогда лидерам крайне правых будет проще заявлять, что их критики все преувеличивают, в том числе масштабы угрозы демократии. Совершенно предсказуемо Мелони всеми силами старалась дистанцироваться от фашизма в своей первой речи в парламенте в качестве премьера.

И все же, рассматривая проблему фашизма сегодня, нужно помнить, что он проходит через разные фазы. Сейчас в Европе и на американском континенте нет фашистских режимов, но точно есть партии, в том числе правящие, которые постепенно могут сдвинуться в сторону фашизма.

Можно ожидать от фашизма, как и от любой системы политических взглядов, постепенной эволюции. Сегодня либерализм совсем не такой, каким он был сто лет назад, а весь смысл консерватизма (не путайте его с реакционными или даже строго ортодоксальными взглядами) в осторожной адаптации к меняющимся обстоятельствам. Эти системы определяются приверженностью базовым ценностям, которые со временем должны получить признание. Либералы говорят о свободе, а консерваторы рассуждают об опасности слишком быстрых изменений и разумных ограничениях при перестройке общества.

А что же фашисты? Начать с того, что все они были националистами,

обещавшими осуществить национальное возрождение, то есть сделать страну снова великой. Впрочем, не все националисты являются фашистами, а возрождение в той или иной форме обещают многие политики. Но что исторически отличало именно фашистов, это восхваление насилия, борьбы и воинской доблести. Кроме того, они выступали за строгую гендерную, национальную и расовую иерархию, причем именно расы, по их мнению, находились в постоянном, смертоносном конфликте.

Сегодня крайне правые силы, несомненно, стараются восстановить традиционные гендерные роли и иерархию, а свою энергию черпают в основном из безжалостной политики исключения: тех, кто чужд нации, надо держать вовне, чтобы со временем они не начали вытеснять доминирующую внутри группу. Впрочем, существует ощущаемая угроза и внутри: это «либеральные элиты» и меньшинства, которые не считаются членами того, что крайне правые популисты называют «реальным народом».

Однако подобная политика исключения необязательно идет рука об руку с прославлением насилия и борьбы как способа дать мужчинам (обычно это мужчины) полную смысла, дисциплинированную, героическую жизнь. Последняя особенность появилась благодаря массовой мобилизации во время Первой мировой войны, когда Муссолини восхвалял «траншеекратию», то есть аристократию храбрых воинов (противоположность сегодняшним клавиатурным воинам выходного дня), ставших едиными в битве. Когда война закончилась, последователи Муссолини продолжали насилие внутри страны. Восхождение Гитлера, кстати, тоже нельзя понять вне контекста жаждущих крови боевых групп крайне правых, которые появились в Германии в начале 1920-х годов.

Далеко не случаен тот факт, что фашистские режимы возникли в тех странах, которые либо проиграли (случай Германии), либо считали, что проиграли (случай Италии) в военном конфликте.

Такой всепроникающей атмосферы насилия сегодня не наблюдается. Да, ветераны в избытке представлены внутри наиболее агрессивных когорт крайне правых, а нынешние лидеры крайне правых разжигают, как выражается философ Кейт Манн, «агрессию, которая медленно распространяется сверху вниз». Но даже в тех странах, где крайне правые приходят к власти, они стараются демобилизовать граждан и заключить мир с потребительским капитализмом.

Итак, должны ли мы просто прекратить эти дискуссии о фашизме? Не стоит торопиться. Как показал выдающийся историк Роберт

Пакстон, фашизм проходит через разные фазы. Сегодня принято считать, что несовершенные демократии XX века обычно погибали во время силовых переворотов, а демократии XXI века с большей вероятностью попадают в руки потенциальных авторитарных лидеров, которые способны мягко манипулировать законами, постепенно делая их отстранение от власти практически невозможным. Такой процесс авторитаризации (некрасивый, но необходимый неологизм) считается более эффективным, потому что его труднее обнаружить.

Но в этом противопоставлении забывается тот факт, что фашизму, несмотря на его склонность прославлять насилие, часто совершенно не нужно было прибегать к насилию для достижения своих целей. Сам Муссолини не участвовал в марше на Рим. Он приехал туда в спальном вагоне из Милана, когда король и традиционные элиты Италии решили передать ему власть, надеясь, что именно он наведет порядок в политическом хаосе, с которым никто больше не мог справиться.

Часто забывается, что Муссолини несколько лет правил в рамках структур итальянской демократии, а в его кабинете было множество самопровозглашенных либералов. Он применял на практике то, что сегодня часто называют «авторитарным легализмом». Он следовал букве закона, но нарушал его дух. Он принимал законы так, что они процессуально выглядели корректными, но в реальности ставил выше верховенство мужчин, а не верховенство закона. Да, конечно, было также много ужасающего насилия: наиболее печально известным стало убийство политика-социалиста Джакомо Маттеотти. Тем не менее, до 1925 года Муссолини не был однозначным диктатором (в то время как Гитлер не оставлял никаких сомнений в том, что с первого дня назначения канцлером он установит абсолютно расистское, тоталитарное правление в стране).

Путать сегодняшних крайне правых с фашизмом – это ошибка в политических оценках. Но остается императив: внимательно следить за тем, как со временем эволюционируют крайне правые. Переход к фашизму – с открытой приверженностью авторитаризму и прославлением насилия – может произойти очень быстро, а может и довольно медленно. В любом случае главный фактор, за которым следует наблюдать, это поведение традиционных элит. Это один из хуже всего понятых уроков подъема фашизма Муссолини в Италии XX века.

Ян-Вернер Мюллер
Принстон

Ян-Вернер Мюллер (Jan-Werner Müller) - профессор политологии, директор-учредитель Проекта по истории политической мысли в Принстонском университете (США).